

18+

Нина Юшкова

Райка, милая Райка

Нина Юшкова

Райка, милая Райка

«Издательские решения»

Юшкова Н.

Райка, милая Райка / Н. Юшкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530329-5

Все виды смеха: мягкий юмор, иронию, сарказм, вы найдёте в этом сборнике; от хулиганских приключений до романтической печали. Улыбайтесь, господа! Улыбка даёт силы.

ISBN 978-5-00-530329-5

© Юшкова Н.
© Издательские решения

Содержание

Райка, милая Райка...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Райка, милая Райка

Нина Юшкова

© Нина Юшкова, 2020

ISBN 978-5-0053-0329-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Райка, милая Райка... (Бульварная повесть)

Дуня Михельсон завывала дурным голосом. Опять аборт! Живот скрутило спазмом от воспоминаний о последнем походе к врачу. И вот – не прошло и трёх месяцев – опять! Пропади ты пропадом проклятая женская доля! Не помогало ничего: после бурного секса с Лёвкой вылетали спирали, таблетки вызывали тошноту и выпадение волос, а проклятая матка хавала сперматозоиды как с хлебом и норовила всех приютить, презервативы – отдельная история. Во-первых, Лёвка их ненавидел! А зачем секс, если мужчине он такой не нужен? Ей-то он уже после всех мучений не нужен никакой. Во-вторых, опять же после Лёвкиных ураганных атак, они рвались, спадывали, запутывались в Дуниной шерсти и просто через один были бракованными. Районный гинеколог Рудик, привыкший ко всему, философски встречал плачущую Дуню: «А шо ви хочете? Шобы у еврейской женщины шо-то пропадало? Шобы она шо-то выпустила, если уж к ней шо попало в руки? А тем более не в руки? Я вас умоляю!» Как иллюстрация этого во дворе дома бегали шестилетний Сёмка, шестилетний же Сашка (их разделяло ровно десять месяцев) и пятилетняя Сонька. Лёвка, пылкий в постели, проявлял нееврейскую холодность в добывании копейки. Так что Сонька за свою пятилетнюю жизнь не нашивала еще ни одного платья, помимо единственного, доставшегося ей от младшей дочери сводной сестры Лёвкиного шурина. А так всё в штанах, донашиваемых за братьями. «Что делать? Что делать?» – думала Дуня, за предыдущую пятилетку выполнившая план по абортам за себя и за всех работниц прилавка, трудившихся на Привозе. Вообще-то, по паспорту она была Дина, но её так давно никто не звал. Потому что она была нелепа и постоянно поминала свою любимую подружку, одноклассницу Дуню, которая в отличие от неё, была хваткая пройда, несмотря на рязанских родителей, перебравшихся сначала под Одессу, потом в Ростов, и, наконец, осевших в Херсонской области. «Сама ты Дуня», – говорили товарки на привозе, в глаза не видевшие сию особу, которая умудрилась окрутить москowitzа и сейчас жила себе припеваючи в Российской столице. Наша же Дуня-Дина тоже преуспела в некотором роде: всё-таки Одесса – это не село Белогорка, откуда её взял замуж глазастый Лёвка. Но, похоже, на этом везение кончилось.

«Буду рожать», – как в прорубь головой бухнулась Дуня и успокоилась.

Лёвка выкатил и без того выпуклые глаза, схватился за голову и театрально запричитал: «Нет, эта женщина сошла с ума! Посмотрите на неё! Она будет рожать? А что она будет кушать, она подумала? А что будут кушать её дети, не говоря уже о муже, который совсем, видимо, у этой жестокой и безмозглой женщины в счёт не идёт? Она не видит, как торчат у него рёбра? Она не знает, какие наступили тяжёлые времена? Она будет рожать! Она так решила, она будет рожать! Вы её послушайте!» С этими словами он удалился во двор, по дороге взяв свою скрипку. Лёвка не был исключением в еврейской семье: он был научен играть на скрипке, и делал это виртуозно. Пальцы летали, смычок порхал. Но Лёвка был исключением в том смысле, что Господь не дал ему слуха. И его скрипка лихо фальшивила, да так, что начинали возмущаться все соседи. Мадам Фридман, которая жила под ними, не раз говаривала Лёвке, чтобы он не вздумал играть и тем паче учить своих детей, так как, если даже они родились со слухом, то при таком учителе они его потеряют. Но на Дуню напало некоторое оцепенение, ноги просто не несли её в сторону консультации, она пухла, пухла и в положенный срок стала рожать. В отличие от предыдущих родов, когда малюсенькие, тощенькие младенцы пулей из неё вылетали, на этот раз ситуация была угрожающей. Врачи ругались, что не встала вовремя на учёт, что плод большой, долго не могли решить кесарить или не кесарить, пока, наконец, измаявшись, чуть не отдав богу душу, Дуня произвела на свет огромную пятикило-

граммовую девочку. Лёвка, рыдая, бегал под окнами роддома, раскаиваясь в том, что совершил и намеревался совершить, и молил своего еврейского бога спасти ему жену. Сёмка, Санька и Сонька находились в это время под неусыпным присмотром мадам Фридман, которая рассказывала им о том, что их ждёт с появлением маленького конкурента. Девочку назвали Рахиль. Не без войны между мужем и женой, впрочем. Лёвка, визжа и топяя ногами, пытался объяснить Дуньке, что с таким именем девка пропадёт, что ей нужно что-то нейтральное, желательно русское, например «Елена». Но странно изменившаяся с последней беременностью Дуня, спокойная, как удав, молча пошла и зарегистрировала ребёнка как Рахиль. Лёвка стал звать девочку «Рая», братцам и сестре так тоже нравилось больше, в итоге имя закрепилось. Дуня не возражала, и Рахиль в быту оказалась Райкой. Райка-Рахиль была чудовищно прожорлива. Она высасывала и без того заморённую Дуню до полуобморочных состояний. Откуда только молоко и бралось. Росла Райка как на дрожжах, и, глядя, как это маленькое создание поглощает немислимые количества пищи, Лёвка опять хватался за голову и испуганно бормотал: «Что с этим ребёнком? Нет, ты понимаешь, что с этим ребёнком? Она кушает, как биндюжник! В кого она вырастет?» К зависти хнычущей Соньки её младшей сестрице платье шились на заказ. Собирался триумвират: мадам Фридман со своим активом – машинкой «Зингер», Дуня с очередными мерками, снятыми с не по дням, а по часам растущей Райки, и шикарная Наташа Линич (бывшая соседка, в девичестве Бельская), вышедшая замуж за адвоката Линича, одевавшаяся как киноактриса и имевшая неистощимый запас платьев и кофточек для переделки на маленького бегемотика. В ряду первоклашек Райка занимала столько же места, сколько три нормальных ребёнка. Но Дуня была счастлива. Она считала, что Райку ей послал Господь во избавление от мучений: после тяжелых родов, разворотивших все её нутро, она больше не беременела. И тут произошло чудо. Достигши одиннадцати лет, Райка стала стремительно меняться, и за какие-то три года превратилась в сказочную красавицу. Жирненький поросёночек вытянулся и приобрёл тело идеальных пропорций. Яркая, как южная ночь, Райка сияла миндалевидными глазами, тёмными и влажными, как первосортная черешня, ровные белоснежные зубки приоткрывались в ослепительной улыбке коралловых губок, что до носика, не то, чтобы по нему нельзя было сразу определить еврейскую девочку, однако ж, по сравнению с носами своих братьев и сестры, он был аккуратненький и милый. Общение с Наташей Линич тоже не прошло даром. Райка не только сама сызмальства научилась уничтожать усики над верхней губкой и волосы в прочих местах, где по современным меркам их быть не должно, но и научила этому старшую сестрицу и даже свою стареющую мать Дуню. Последней это настолько пошло на пользу, что Лёвка все чаще приковывал свой взгляд к жене, подозрительно недоумевая, с чего это вдруг она так похорошела. Райка тайком выщипывала даже и брови, но этим секретом не делилась ни с кем, и в отличие от Сонькиных бровей, толстой волосатой гусеницей ползущих по лицу и почти срастающихся на переносице, её брови точёными соболиными хвостиками разлетались к вискам, как на картинах старых мастеров, пытающихся польстить своим моделям. Мадам Фридман не упускала случая в разговоре со своими знакомыми вернуть: «А вы видели, как младшенькая у Михельсонов похорошела? Таки девочка превратилась из гадкого утёнка в лебедь!» Между тем выросла не только она. Братья её, неизбежно влившиеся в окружающую среду, в один не очень прекрасный момент оказались в КПЗ, что было не впервые, разумеется, но в первый раз серьёзно, так как схвачены они были на месте преступления, и пострадавший с разбитым носом и бланшем под глазом тут же накатыл заявление по всей форме. Траур опустился на семейство Михельсонов. Лёвка, почти облысевший, отправился по родственникам с протянутой рукой собирать на хабар, Дуня и Соня орошали слезами мацу, и никто не заметил, как четырнадцатилетняя Райка исчезла из дому. За полночь – стук в дверь. Пока Лёвка просовывал заскорузлые когти на ногах в растянутые треники, Дуня, укутанная толстой фланелевой ночной рубашкой до пят, как броней, уже вопрошала: «Кто?» – «Мы, мама!», – родной до боли шёпот пронзил Дунино сердце навывлет. Дрожащими

руками она отодвинула щеколду. Сёмка и Санька ввалились в дом, грязные, вонючие, но целые и невредимые. «Мама, мама, нам надо слинять на полгода, потом, когда всё уляжется, вернёмся. Все замнётся, ничего не будет. Не бойтесь, мама, только поспешите. Соберите нам в дорогу, мы пересидим у деда в Белогорке», – отводя глаза, метались братья по дому, хватая вещи и суя их в рюкзаки. Сдавленный крик вырвался из Дуниной глотки: «Вы убили охрану?!» Тут выползла Соня, ничего не соображающая со сна, и, наконец-то, приковылял Лёвка, разом пробудившийся от Дуниного вопля. «Шо вы такое говорите, мама?! И придёт же в голову! Тише, вы весь дом перебудите! Усё нормально, все живы, просто нас отпустили. Так получилось. Только сваливать нам надо по-тихому». – «Шо такое? Если отпустили, почему бежать?» – встрял Лёвка. «После, папа, после». – С этими словами Сёмка и Санька поцеловали мать, отца и сестру, схватили рюкзаки и скрылись за дверью. Долго еще Дуня, Лёвка и Соня пялились друг на друга выпученными глазами, друг у друга выпытывая же, что это было, что случилось, как Сёмке с Санькой удалось бежать, и что из всего этого выйдет. Потом всё-таки улеглись спать дальше. Лёвка вскоре захрапел, а Дуня всё ворочалась с боку на бок, тревога за сыновей прогнала сон. Стало светать, Дуня встала, закуталась в шаль и вышла на веранду. В соседских окнах было еще темно. И вдруг в свете зари она увидела Райку, сидящую на ступеньках лестницы. Зажав себе ладонью рот, давясь своим криком, Дуня кинулась с веранды на лестницу, схватила дочь за плечо и горячечно зашептала: «Ты как тут оказалась? Чего ты тут сидишь?» На что Райка, лениво вставая, с каким-то неуловимым презрением в голосе ответила: «Жаль будить вас. Ждала вот, когда проснетесь», и стала подниматься. Дуня шёпотом же заорала ей вслед: «Так ты шо, дома не ночевала? Ты хде была? Хде была, я спрашиваю?» Райкина спина слегка напряглась, но она продолжала так же медленно и уверенно подниматься. Вся в нехороших предчувствиях, обливаясь холодным потом, тащилась Дуня за ней. И только плотно прикрыв дверь квартиры и уже направляясь к себе в кладовочку, Райка бросила, не оборачиваясь: «А шо вы думали, мама, Сёмку с Санькой за просто так, на халяву отпустили? Надо ж было шо-то делать, слёзы нынче не в цене». Вот так просто обменяла Рая свою девственность, свою нетронутую красоту на свободу своих братьев. Тут уж Дуня, забыв про всё на свете, заголосила в отчаянии. Лёвка выскочил в трусах, вылезла Соня. Но Дуня замахала на неё руками: «Уйди, уйди», заставила вернуться в комнату и позволила мужу увлечь себя в супружескую спальню. Там, давясь рыданиями, ругаясь и молясь, заламывая руки, поведала она мужу, что натворила их младшая дочь. Нескончаемо длилась Дунина истерика, Лёвка вяло утешал её, сердце сдавило, как отец он должен был что-то сделать, но что? Он растерялся. Постучав, вошла Рая, как старшая, поглядев на свою мать, стала её успокаивать: «Мама, ну что вы устраиваете трагедию, как в 19 веке? Что собственно произошло? Ну, будьте же современны. Защищённый секс еще никогда никого не погубил. Кому нужна эта девственность в наше-то время? Вы лучше подумайте, какие замечательный связи я вам организовала. Капитан Мамыка кое-что может. По крайней мере, пока Сёмка и Санька не укрупнили масштабы своей деятельности. Хотя и он ведь пойдет в гору». Райка была совершенно спокойна, но Дуня безутешно рыдала и вопила: «Моя дочь! И это моя дочь! Где ты этого набралась?!» У Лёвки тряслись руки, но он молчал. Райка не была его любимицей, он всегда воспринимал её несколько отстраненно и как мужчину понимал, что такая красавица никогда не будет жить по установленным правилам. Но такой бытовой подход к первой близости его потряс. Однако ж время лечит все, особенно особенное время. Стояли лихие 90-е. Сёмка с Санькой заматерели. Сёмка, проявив полный советский интернационализм, связался с братьями осетинами Ирбеком и Муссой, получившими от отца, занимающего не последнее место в горкоме Владикавказа, целую партию ваучеров. Покрутившись в культурной столице России, они сколотили капиталец и приехали его наращивать в славный город Одессу, где и теплее и следы можно запутать. Их славное предприятие называлось «Неаполь», хотя первоначальная версия братьев была «Некрополь», и Сёмке стоило немалых трудов переубедить их и предложить что-нибудь столь же звучное, но менее пессими-

стическое. Санька наладил производство стекломойщей жидкости «Бриллиант» из ворованного спирта, за которой уже поутру стояла очередь из желающих опохмелиться. Алкоголики регулярно откидывали копыта от употребления данной жидкости, но Санькина совесть была чиста: на этикетке чёрным по белому было написано: «Не для внутреннего употребления». Соня превратилась в классическую еврейскую девушку, умную, послушную, домашнюю, с уже слегка отяжелевшей попой, и неугомонный Лёвка нашел-таки ей жениха. Илюшенька Лузберг закончил на золотую медаль математическую школу и с красным дипломом математический факультет университета, играл на скрипке. Но на этом его достоинства заканчивались. И Райка решила взять дело в свои руки. Раз, когда Илюшенька ожидался в гости, она подговорила одного из своих дружков затащить Соню в кладовочку, закрыть ей рот крепким поцелуем и помазать её хорошенько, да так, чтобы Илюшенька это увидел. Сценарий был реализован на 100 процентов. Оглушённый горем Илюша бежал, разбрызгивая скупые мужские слёзы, тормознутая Соня ревела белугой в своей комнате, а Райка имела деловой разговор с родителями. «И на что вам этот шлемазл? Или вы всерьёз хотите, чтоб ваша дочь билась в нищете так же, как вы? Это у вас называется желать счастья своему ребёнку? Кому сейчас нужен математический гений, тем более что ещё Моисей надвое сказал, гений Илюшенька или так? Если уж Сонька ни на что не годится, а это видно так и есть, я выдам её замуж, нате вам!» Злость и бешенство Дуни и Лёвки уступали железным аргументам. Они переглянулись. «Ну ты всё-таки отец!» – упрекнула Дуня. «А ты – мать!» – не менее возмущённо парировал Лёвка. После столь содержательного обмена мнениями они замолчали и, как утопающие, хватающиеся за соломинку, уставились на Райку. На следующий день Райка вызвала братцев и поставила задачу в лоб: «Таки если вам дорога честь сестры, надо выдать её замуж. И надо выдать её замуж хорошо, за приличного, обеспеченного человека. И не может жеж такого быть, чтобы братья не смогли ей подобрать надёжного жениха из своего круга. Например, как там насчёт Муссы и Ирбека?» Но оказалось, что у Муссы и Ирбека есть сговорённые невесты, которые ждут их во Владикавказе, что слово, данное семье невесты, нарушено быть не может. Тут Санька размотал одну из своих пружинных прядей, а потом намотал её на палец и задумчиво произнёс: «Вообще-то Соломон вдовец. Но ему уже под пятьдесят...» «Кто есть Соломон?» – начала допрос Райка. – «Да это мой поставщик спирта. Конечно, для такого старого вяленого бычка, как он, помазать свежатинку на законных основаниях будет привлекательно, но как же Соня? Молодой девке нужна упругая плоть, или я ничего не понимаю». – «Ну, если он – вяленый бычок, то наша Соня – варёная треска, идеальная пара! Саня, готовьте клиента, а готовность девицы – это моя забота». На том и порешили.

На кухне Соня жарила скумбрию. Райка задохнулась от вони, сунула ненадолго нос себе за воротник, откуда пахло «Шанелью», и приступила к разговору.

– И шо? Вот так всю жизнь и будешь в замасленном фартуке нюхать тресковую вонь?

– А шо делать? – меланхолично ответила Соня.

– Таки человек кузнец своего счастья. Расширь кругозор! Подними глаза к небу! Там шансы летят, как косяк журавлей на зимовку.

Соня сонно перевела глаза на потолок, потом в окошко, но тут жир со сковородки брызнул ей на руку, и она раздраженно фыркнула:

– Тю! Хде ж те шансы? А твоего Костьки-халамидника чтоб в доме ноги больше не было! Как мне теперь с Илюшей объясняться? Он такой ранимый!

– Ты ещё скажи, что по любви замуж идешь! Какой ты мне, младшей сестре, пример показываешь, и не стыдно тебе? Ты и не любишь его, и жизнь свою ради этакого малахольного хочешь сгубить, он же тебе ни копейки не заработает. Вас мама с папой как бычка с телочкой свели, не стыдно тебе?

Пунцовая от стыда Соня со стуком ставит сковородку с плиты на подставку и, задыхаясь от негодования, кричит:

– На себя посмотри, ла... – Слово «лахудра» она проглотила, так как в семейном пантеоне Райка – грешница с нимбом святой. – Собака ты на сене, тебе замуж не надо, так и моему горю радуешься!

– От це ж! Я твоему горю радуюсь! Чтоб повылазили мои глаза! Хде горе? Что ты избавилась от этого больного на голову? Да ты радоваться должна! Потому что на тебя засматривается и с серьёзными намерениями серьёзный мужчина.

Тут Соня с необычайной для себя живостью разворачивается на сто восемьдесят градусов и вперивается в сестру прямо – горящими глазами. А та невинно продолжает:

– Солидный мужчина, богатый, уважаемый в обществе, с положением. «Я, – говорит, – для своей жены ничего не пожалею. Я человек с чувством собственного достоинства и жену свою уважаю. Она у меня работать не будет, прислугу заведём, сейчас во всех приличных домах прислуга, а одевать её буду во всю фирменную одежду, для такого случая и в Москву при необходимости слетать можно, и за границу. Да и вообще, в свободное время мы с женой будем путешествовать по миру, сейчас это можно, сейчас все границы открыты».

Райка плела и плела свою сеть, а Соня, как кролик в гипнозе, вместе с табуреткой подвигалась всё ближе и ближе, а глаза её затуманились розовыми мечтами. Наконец, она вернулась из своих заоблачных высот и спросила:

– А кто он? Я его знаю?

– Да мне откуда ж знать, знаешь ты его или нет? Только это Соломон, Санькин партнёр по бизнесу.

– Так ведь он же старый!

– А ты хочешь, чтобы человеку с положением сколько лет было? Или ты на принца Саудовской Аравии замахнулась? Смотри, Сонька, доперебираешь, через пару лет на тебя вообще никто не клюнет. Это мужикам хорошо, в любом возрасте спрос на них есть, а мы, девицы, товар скоропортящийся.

Но Сонька явно и сильно разочарована. Голос её скучный, и темперамент куда-то делся:

– Ну уж, в таком случае, лучше Илюша.

– Смотри сама. Только с Илюшей ты через пяток лет на сороковник выглядеть будешь, потому-что тебе и работать, как тягловой лошади, придётся и сопли подтирать не только детишкам, но и своему ни на что не пригодному мужу, а я даже свои старые платья тебе носить не смогу отдавать, потому что ты растолстеешь и опустишься от такой беспросветной жизни. А если не опустишься, и в тебе хоть малый огонёк сохранится, то будешь ты, Сонька, искать себе любовника, и в любовники найдёшь мужчину никак не моложе Соломона, помани моё слово. Таки лучше иметь все при старом муже, в том числе и молодых любовников, чем ничего и старого любовника при молодом, но никчёмном.

Больше всего уело Соньку упоминание о старых платьях, так как младшая сестрица, привыкшая в бытность свою толстушкой к одежде на заказ, эту привычку усвоила намертво, и костью в горле у родителей стояла – всё только новое и только модное и никак иначе. Сонька же как донашивала за всей родней, так и впитала этот остаточный принцип, облегчая жизнь семье, но страдая неимоверно. А коварная Райка доплетала последние финтифлюшки в кружево заговора:

– Ты думаешь, твой Илюшенька тебя простит? Как же! Вот ты его «ранимый» называешь, а на самом деле, он неуверенный в себе и оттого ревнивый, мелочный и злопамятный. И мстительный. Мелочно мстительный. Все неуверенные мужики такие. Он прикинётся, что тебе поверил, а сам обиду затаит. Хуже нет, когда у мужика обидки. Ты уж мне поверь, мне Наташа Линич всё про такие дела рассказывала. Она уж знает. Вот выйдешь ты за него замуж, а он тебе изменять начнёт. Чтобы отомстить. А ты как думала? Уверенный мужик что бы сделал? Да он бы Костику морду набил, это как минимум. Тебе бы тоже могло достаться. Он бы

тебя бросил после этого, но Костыке бы по фейсу настучал, к бабке не ходи. А Илюша сбежал и носу не кажет. Ты думаешь, ему не захочется отомстить? Вот и думай.

Всё. Дело сделано. Отрава уже проникла Сонечке в мозг. Тяжеловесно, со скрипом, но поворачивается же механизм, навсегда закрывающий двери перед Илюшей Лузбергом и приоткрывающий вход для Соломона.

– Уф! – внутренне выдохнула Райка, как будто втащила на гору два полных ведра на коромысле, и, заценив изменившийся взгляд Сони, выпорхнула из кухни.

Пару недель спустя, когда уже повсюду шли приготовления к свадьбе, подошёл к Райке на улице какой-то незнакомый шкет. Понтуясь, остервенело смоля бычок и смачно сплевывая, он оценивающе оглядел Райку с головы до ног и сквозь выбитые передние зубы прошепелявил:

– Хороша Лялька, убиться веником! Однако до тебя разговор есть.

– Шо такое?

– Маруся Тихая, хавера того бобра, которого ты с сестрой окружила, разговор до тебя имеет.

– Ой, не делайте мне беременную голову! Какая такая Маруся? Шоб я так её знала, как я не знаю! Если она Тихая, так пусть и сидит себе тихо!

– Я вас умоляю, кралечка! Шо до меня, так я бы целовал ваши ножки с утра до вечера! Однако приходите на Тираспольскую к кинотеатру сегодня в восемь, а то вашей сестрёнке портрет так подправят, что никакой фраер не позарится.

– Ой, не делайте мне смешно! – томно протянула Райка, лихорадочно прокручивая в голове варианты. Не её территория, незнакомая, и подготовиться не успеть. Но если не прийти, угроза будет приведена в исполнение, сомневаться не приходилось. В восемь. Уже темно. Но и откладывать нельзя. – Так в чем же дело? Зачем же так долго ждать? Если Маруся хочет разговор, она будет его иметь. Только не в восемь, а в шесть.

– Рыбонька, Маруся сказала в восемь.

– Ну, как хотите. Я сказала, а вы имейте в виду. А в восемь у меня свидание, не до вас мне.

Вильнув бедром и заглянув мальцу прямо в душу, Рая застучала каблучками прочь. Мысли вихрем проносились в голове. Как назло, Сёмка с компаньонами по какой-то надобности умчался в Харьков, а Санька с женихом набрались накануне, снимая пробу с очередной партии сырья для жидкости «Бриллиант», и теперь представляли собой два храпящих полена, уложенных крест-накрест на старой софе в кладовочке. Комнату братьев занимала теперь Райка, так как оба они снимали отдельные апартаменты. Перебирая в памяти дружков понадежнее, Райка вдруг встрепенулась от пришедшей в голову идеи. И через мгновение уже мчалась к телефону-автомату на углу, так как дома говорить было невозможно, Райка не хотела посвящать мать с отцом в свои планы. Набрав номер милицейской части, она долго добивалась, чтобы ей позвали капитана Мамыку, добилась-таки и, задыхаясь, затрещала в трубку: «Жора, спаси меня! Меня убивать будут сегодня вечером на Тираспольской у кинотеатра и расчлнять тоже в шесть часов, Жора, если ты меня еще помнишь! Помнишь мои сладкие поцелуи! Жора, я хочу остаться в живых, чтобы снова иметь тебя в своих объятиях! Жора, если ты не спасёшь меня, ты будешь иметь мой труп!» Она бросила трубку и направилась на встречу.

Увидев кодлу во главе с размалеванной чувихой лет двадцати восьми, Райка струхнула. Кто-то присвистнул:

– Какая цаца!

– Обломайте ей роги, пусть знает за чужое, я сама ей харю нарисую шалаве! – Завизжала баба.

И тут Райка сделала ошибку – она бросилась бежать. Кодла с улюлюканьем кинулась за ней. Проворная, как лань, Райка петляла по подворотням, легко опережая своих преследователей, не зная, куда несётся, и попала в западню, в тупик. Оглядевшись, она увидела сплошной высокий забор и кучу битого кирпича от разобранного сарая посередине. Но – Райка умела

не только делать ошибки, она умела их и блестяще исправлять. И когда шайка бакланов высыпала из подворотни, они увидели совершенно обнажённую богиню, возвышающуюся на куче кирпича в косых лучах заходящего солнца. Райка расставила ноги шире плеч и темная шёрстка, коротко постриженная по последней моде, приоткрыла то, что имеется между ног у каждой женщины. Звучным, грудным голосом, как Сара Бернар, исполняющая роль Жанны д'Арк, она надменно продекларировала: «Я – Рахиль Михельсон! И если вы меня не знаете, то скоро вы меня узнаете, и это будет ваш геморрой!» Тут Райка услышала натужное урчание «уазика» своего рыцаря на белом коне, своего спасителя капитана Мамыки, ищущего её в сопровождении усиленного наряда. Она грациозно накинула платье, и, крутя на наманикюренном пальчике правой руки кружевные трусики, спустилась с горы кирпича и вышла навстречу въезжающему в подворотню милиционеру «уазика».

– Шо такое? Шо здесь такое?! – Заорал капитан Мамыка на шпану, которая с блаженными, тупыми улыбками ничего не могла выразить, а только в бессилии сползала по стеночкам.

– А это воспитательный момент.

– А шо у тебя трусы на пальце?

– А это подкрепление. Вы же знаете, дорогой капитан Мамыка, что слова без подкрепления ничего не значат.

Смачно матюгнувшись, капитан Мамыка усадил Райку рядом с собой, и потихоньку до него стало доходить, что красотка сидит рядом с ним без трусов. Преисполненный похотью, он погнал в отделение, как бешеный. Мамыка, не помня себя, тащил Райку за локоть к себе в кабинет, рыком разгоняя всех, кто попадался ему на пути. Когда он, наконец, удовлетворил свою страсть, он сообразил, что Райка всё ещё несовершеннолетняя.

– Шо тебе подарить, моя рыбонька? Я для тебя луну с неба достану, моя сладкая! – елеяно замурлыкал капитан.

И на свадьбе у сестры Райка щеголяла тяжёлыми витыми золотыми серьгами с натуральным опалом.

Райка закончила школу и заявила родителям, что дальше учиться не пойдёт. Одноклассник Лёня Трюк зовет её работать барменшей в своё кафе, которое папочка Израиль Трюк торжественно подарил ему прямо на выпускном вечере. «Барменшей! Да ты понимаешь, что там за атмосфера?! Кто нынче ходит по кафе? Разве порядочные люди? Одни бандиты! Вот твоя старшая сестра...», – но Райка неуважительно перебивала мать: «Це ж Соня!. Мама, не кипешитесь! Все будет чики-пуки. Сидите в своей швейной мастерской и тачайте шторы для поликлиник! Шо вы можете понимать в современной жизни!» – «Я – твоя мать! Как ты смеешь так с матерью разговаривать, хабалка!» Как нарочно в этот момент мимо проплывала Соня, послушная и умная, закончившая экономический факультет университета на чистые пятёрки. Подключался Лёвка. Его слабая сторона была в том, что он смотрел на свою дочь, как на женщину, и это лишало его уверенности абсолютно. Он потирал руки и совал их подмышки, блеял невразумительно: «Ты бы хоть бухгалтерские курсы закончила или на закройщицу бы в швейное, а? Все профессия, а?» Но Райка, видевшая отца насквозь, снисходительно отвечала: «Папа, таки не вам давать мне советы. Я готова выслушать совет от человека, имеющего за душой миллион, на меньшее я и сама смаракую, что делать». И пока Лёвка пытался и размахивал руками, побуждая самого себя к решительным действиям, Райка, загадочно улыбнувшись, ускользала, как золотая рыбка.

Дуня плакала вечерами и терзала Лёвку. «А шо я могу сделать?! – огрызался тот, тоскливо царапая когтями шерсть на груди, – Господи боже, скорей бы Сонька родила, лучше двойню или тройню сразу, чтобы тебе было чем заняться! Упустила дочь! Лялькала её, потакала! Вот! Теперь расплачивайся!» Он спасался во дворе, не трогая скрипки, потому что его заскорузлые артритные пальцы не держали уже даже молотка.

Райка приходила под утро. Всегда в сопровождении ватаги кавалеров, от неё пахло вином и «Клема», она шумно хохотала во дворе, дразня поклонников и соседей, непременно дожидаясь крика из какого-нибудь окна: «Шо хайла-то пораззявили! Люди! Та шо такое?! Честному человеку и поспать не дают!» Дуня приставала к ней с расспросами и нравоучениями, когда та просыпалась в первом часу дня, но Райка, добродушно отмахивалась и совала матери пухлую пачку купюр: «Нате вам, мама, и ни в чём себе не отказывайте. Купите, наконец, буженинки, а не кошерно вам, тогда сёмги. Покушайте, успокойтесь. Усё в ажуре». Дуня бежала к Лёвке, потрясая купюрами, но Лёвка, казалось, растерял весь свой темперамент и беспомощно махал рукой: «Оставь их, мать. Шоб я так жил, когда мне было семнадцать. Пусть живут, как знают».

Соня переживала трагедию: время идёт, а никаких признаков беременности. Она приходила к матери поплакать, пожаловаться и посоветоваться, как быть. Дуня беспомощно разводила руками, у неё-то был совсем противоположный опыт. Надо было искать хорошего доктора. Видя заплаканные коровьи глаза сестры, Райка пыталась её утешить, но выходило наоборот:

– Та шо ты торопишься? Гуляй, пока молодая. Вот нашла о чём плакать! Пользоваться надо! Такой рычаг Соломончика раскручивать. Скажи ему: «Доктор велел на Мёртвое море. Там соли лечебные». Пусть везёт! Потом скажешь, горным воздухом подышать надо, пусть в Альпы везёт, мир повидаешь, не то, что я – дальше бардака своего носу не казала.

– Тебе не понять. Я ребёночка хочу. Не будет ребёночка, Соломон меня бросит, а куда я теперь?

– Да зачем Соломону ещё дети? У него уже есть два оболтуса женатых, скоро и внуки подойдут. Думаешь, он не нанячился? Зачем ему ссанные пелёнки на старости лет? Ему жена молодая, свеженькая, весёлая нужна. Ласкай его почаще, так и не бросит.

Соня в ответ рыдала еще горше:

– Так шо, ты думаешь, шо Соломону от меня дети не нужны? А – а – а – а! Вдруг он специально что-то делает, чтобы у нас детей не было?! А – а – а – а! Мама, шо мне делать?!

Соня, ревя в голос, падала в материнские объятия, а Райка, не преуспевшая в утешениях, спешила улизнуть, пока ей не досталось на орехи.

Но тут разразилась настоящая гроза. Вкусив жидкости «Бриллиант», помер чей-то – имеется в виду какого-то начальника – опустившийся сынок. Началось расследование и оказалось, что смертность среди тех, кто употребляет для опохмелки вышеозначенную жидкость, просто зашкаливает. Саньку посадили. А ретивое следствие продолжало рыть, и нарыло, что спирт, поставляемый для этой жидкости, ворованный. Посадили Соломона. Мрак опустился на семью Михельсонов. Растерянные Дуня и Лёвка бегали по знакомым, но их время ушло, их знакомые – мелкая сошка – уже давно сошли со сцены. Сёмка, у которого тоже рыльце было в пушку, боялся высовываться, сам ходил по краю, родители цыкали на него: «Куда тебе? Сиди тихо! А то, вообще, ехай куда-нибудь, затаись, а то и тебя загребнут. Скажут: «А что это брат у Михельсона Александра Львовича подельывает? Чем занимается? А не проверить ли и его? И ведь проверят! Что делать, что делать?» Райка исчезла из дома. Дуня вся извелась, истощала, как скелет, днём и ночью доводила Лёвку, приглушённым голосом бормоча ему в ухо: «А Райка? Скрывается ведь. Слышь? Помнишь, какие деньжищи-то приносила? Прямо пачками мне совала, слушаешь – нет? Я-то, конечно, поберегла на чёрный день. Вот он и наступил, нате вам! Соломон ещё! Кого откупать-то? На всех не хватит!» – «Откупать! Тю! – передразнивал Лёвка, – но откупать, конечно, Саньку, эх, знать бы, кому дать, а то ведь и самим вляпаться можно. Просто так ведь не дашь, как же, целый Бухмин подписался под это дело, прогнуться хочет, нет, сейчас так просто и хабар не дашь. Кому совать-то? Кому? Как подходы найти? Я спрашивал, люди не в курсе. Тёмное дело. Да и много ли в чулок-то сховала?» – «Три миллиона». – «Это карбованцев, что ли?» – «Ну не долларов же!» – «Тю! И ты такие семечки кому хочешь сунуть? Глупая женщина! Ну кто ж хранит так деньги? Лучше б мы с тобой

в кабак каждый вечер ужинать ходили. Они ж у тебя не лежат, они ж прямо-таки на глазах превращаются в бумажку для нужника» – «А всё ж-таки, надо Райку будет откупать, её же деньги-то!» – «Ох и глупа ты, как тарань на Привозе, Райка ведь ещё не сидит!» – «Типун тебе на язык, старый дурак!» – «Та какого ж беса я дурак?! Сама ж сказала! Только откупать надо Саньку, а Райка сама вывернется!» Так они перепирались, а время уходило. Но однажды поздно вечером объявилась Рая. Тут же прибежал запыхавшийся Сёмка, не прочухавший, почему его так срочно сдёрнули с места. «Щас узнаешь», – прохрипела младшая сестра. Все сели за пустой стол. На Райку было страшно смотреть. Вся её красота куда-то делась. Осунувшаяся, с чёрными кругами под глазами, с воспалёнными губами, постаревшая лет на десять. Ей явно было трудно говорить, но она выжимала слова из глотки, и они камнями бухались вниз: «В общем, Мамыка говорит, что может организовать только одного. Саньку или Соломона. Я говорю за Саньку, но вы решайте. Одна не хочу. Все решайте. И Соньке ни слова. Решите Соломона – я сделаю Соломона. Решите за Саньку – будет Санька. Но Соньке чтоб ни духу. Вроде как, само получилось. Отпустили. И бабло нужно. «Бабло будет», – весомо заявил Сёма. Подумал и сказал: «Я за Саньку». И мать с отцом, конечно же, выбрали Саньку. «Готовь бабки, Сёма, я завтра скажу куда», – она тяжело поднялась и захромала к двери. Дуня метнулась за ней и приобняла за плечи: «Доча, куда на ночь глядя? Может, осталась бы, а?» Но Рая, через силу улыбнувшись, обняла мать, и ушла.

Она явилась недели через три. Снова бриллиантово красива, легкомысленна и полётна. Санька вернулся. Опять, как водится, исчез с глаз долой в Белогорку. Соломона посадили на пять лет. Соня ходила несчастная и убитая горем. Регулярно ездила к Соломончику с перепалками. Упрекала сестру: «Ну вот, и с чем я осталась? Муж сидит! Старееет. В его ли возрасте по тюрьмам болтаться? Через пять лет он вернётся, больной, разбитый, и вообще ничего не сможет, шо ж мне так бездетной и помирать? Шо ты мне обещала, когда за него замуж пихала? „Путешествовать будешь, горя не знать!“ А шо вышло? А, между прочим, Илюша Лузберг эмигрировал в Америку! Всё-таки оказался гений, получил шикарное место в Бостонском университете! Я бы могла с ним уехать! А всё ты!» На что Райка, сплевывая подсолнечную шелуху, отвечала: «Хоспидя! Вот ты вечно найдёшь, к чему прицепиться! Подумаешь, муж в тюрьме сидит! А у кого не сидит? Так, у швали всякой. У всех стоящих мамзелей, которые к Линичам захаживают, все мужья сидят! Зато жены в пуху и перьях! Ты бы их видела! Это дело настоящего мужчины: жену обеспечил, можно и сесть. Ты посмотри, какая тебе удача! Живешь в шикарной квартире! Счётец на книжке имеешь? – Имеешь. Свободна! Зачем тебе этот старикан? Сама же говорила, что он старый, помнишь, не хотела за него замуж идти? Найди молодого! Радуйся жизни! А что касается до путешествий, так ты же успела. Вон в Турции была, в Египте. Может, твой Соломончик вообще бесплодный, так это такой козырный тебе шанс: сейчас ты заводешь молодого любовника, а буквально за недолго, как Соломону выйти, любовник тебе делает ребёночка. А ты уж Соломончика встретишь, напоишь, так что помнить не будет, пусть потом доказывает. А может, он там и ласты склеит, ты вообще будешь молодая богатая вдовушка, тут уж полное раздолье...» – Но тут её речь была прервана визгом раненой рыси, Соня, резво как никогда, схватила что под руку попало, а попала половая тряпка, ринулась на сестрицу, норовя отхлестать её по лицу. «Мама, мама, шо она говорит! Совсем стыд потеряла! Она моему Соломону смерти желает!» – «Да шоб мне так не иметь в жизни счастья, как я желаю смерти Соломончику!» Райка увернулась от тряпки, густо усыпав пол кухни семечками, и, слыша шаги матери, предпочла выскочить из квартиры.

Райкин одноклассник Костька правдами и неправдами накопил на старенькие, на ладан дышащие «жигули» -пятёрку, и они с Райкой поехали кататься. Но не Костькин был тогда день, нет, не его. При повороте с Житомирской на Подольскую Костик, гнавший под 50 км/ч не справился с управлением и въехал в бочину новенькой, сверкающей надраенным бархоткой лаком

белоснежной «бэхи». Костыкин рыдван тут же предательски заглох, а из «бэхи» медленно вылез никто иной, как известный на всю Одессу поставщик живого товара в знойное заведение мамы Розы Ося Мицгель, известный также как «Челюсти», «Живодёр», «Людоед» и «Гестапо». Костик понял, что пришёл его последний час, вся жизнь пронеслась у него перед глазами, и горько пожалел он, что не умер накануне после быстрой и не очень мучительной агонии, употребив паленой водки. Ося-Гестапо славился своими изуверскими проверками и натаскиванием на работу девочек, а так же кровавыми разборками с теми, кто вставал у него на пути. Ося плотоядно смотрел на него, ухмыляясь и представляя в своем заторможенном мозгу затейливые картинку того, что он сделает с этим горе-водилой. Тем временем дверца с правой стороны жигулей открылась и из неё показалась нога. Нога, обутая в красную туфельку на высоченной шпильке. Нога, сверкавшая золотистым атласом и тянувшаяся, тянувшаяся дальше, чем натасканный взгляд Гестапо привык видеть ажурную резиночку чулка. Но чулка не было. Золотистым атласом переливалась нежная девичья кожа, а кружевной ажур ознаменовал краешек трусиков, сверкнувших из-под мини-юбки. Гестапо впал в ступор, потому что такая ножка никак не могла принадлежать порядочной женщине, а всех непорядочных он пропускал через свои руки. А потом из машины поднялось солнце. Слеплённый алмазным сиянием глаз и зубов, опалённый алым свечением губ и жаром, пышущим из глубокого разреза блузочки, Гестапо забыл, кто он есть, и просто смотрел, теряя себя, своё прошлое и настоящее, сходя с орбиты и устремляясь в неизведанное. Из ступора его вывел звонкий девчачий голос:

– И шо? Будем отлеплять твои глаза, или таки оставим их под моей юбкой?

Улыбаясь, как идиот, Гестапо одним прыжком оказался около девушки, бросил обморочному Костику: «Теперь это моя баба. А ты свободен», и увлёк её в свой авто.

И стала носиться по ночным дорогам Одессы белая молния. Ося-Гестапо забросил дела. Кореша с завистью сплетничали о том, что эта девка-бестия подначивает его гонять за 200 и еще на такой скорости проделывает всяческие штучки. Только недолго длились эти ночные заезды. Через две недели белый БМВ Оси Мицгеля влетел в столб и сгорел дотла вместе со своим хозяином. Райку выбросило из машины, и она отделалась ушибами и царапинами. «В рубашке родилась девка», – комментировали одни. Однако другие поговаривали, что что-то тут нечисто. С чего это дверь машины оказалась открыта или её так удачно вышибло? Не крутанула ли девчонка руль, приготовившись выпрыгнуть? Местечко-то уж больно выгодное для падения, кругом земля и трава, шоссе в этом месте ровное, а уж водил Ося лихо, без посторонней помощи в столб бы не вписался. А им возражали, что, когда горячая красотка и в койке за тебя берётся, ты соображать перестаёшь, куда уж тут за дорогой смотреть. Так или иначе, вознёсся Ося в любовном пламени прямо на небо, за всё надо платить, а за любовь красивой женщины тем более. И мнения разделились пополам. Одни говорили: «Эх, хотел бы я с такой тёлкой покататься!» А другие: «На-фиг-на-фиг с такой тёлкой кататься!» За Райкой потянулся пышный шлейф славы роковой женщины.

Следующей весной Райка заявила, что хочет поступать в педагогический колледж на учительницу. Сказать, что семья потеряла дар речи, это не сказать ничего. Санька с Сёмкой отделались похабными шуточками, а мать с отцом и Соня запричитали, заупрекали:

– Раньше надо было думать-то, после школы поступать сразу, кто тебя сейчас-то возьмёт после этого шалмана, что за учительница такая – барменшей по ночам работала!

– Какая из тебя учительница, посмотри на себя! Учительница должна скромно себя вести, с достоинством, прилично, а ты, ты посмотри на себя в зеркало! У тебя что ни ночь, то гулянки, кавалеры твои тебя не только на весь двор, на весь район ославили, кто тебе детей-то доверит учить?

– Да ты уж и позабыла всё, экзамены не сдашь!

Но вопреки всему, Райка в колледж поступила. И началась для неё новая весёлая жизнь. Студенческая! Тут же нашлась и лучшая, закадычная подружка – Элка Куриц. Куриц она была по мужу, девичья фамилия у неё была Мухаметдинова, и была она чистокровная татарка из Крыма. Жизнь Элки напоминала мексиканские сериалы, как раз недавно приковавшие внимание всех одесских домохозяек и обогативших их лексикон мексиканским национальным фольклором. Например, вместо того, чтобы орать на мужей: «Ни дна тебе, ни покрышки!», они теперь орали: «Шоб тебе счастья не видеть, как дону Игнасио Лауренсии!», а на прогневавшую соседку: «Шоб ты пахала на Пашку-кривого, как рабыня Изаура!» Так вот, про Элку. Будучи ещё школьницей, познакомилась она на пляже с красавцем-хохлом, проводившем там отпуск. Влюбилась в него без памяти, и – взаимно. Едва дождавшись восемнадцатилетия, заявила родным, что выходит замуж. Но беда пришла, откуда не ждали: её отец категорически запретил ей выходить за хохла, только за татарина. Элка была в растерянности, она не ожидала такого поворота, нельзя сказать, чтобы её воспитывали строго, в пионеры-комсомольцы вступала, на школьные дискотеки ходила, и вот на тебе! Но она по своему Курицу буквально сходила с ума, либо с ним, либо в море головой. И Элка сбежала из дома. Слава богу, родня Курица приняла её с распростертыми объятиями. Сыграли свадьбу. А отец Элки её проклял. Надо же было случиться, что Элка и Райка решили поступать в одни и тот же год. И так же неожиданно открылся у Райки новый талант. Не было такого концерта, такого мероприятия, такого праздника, собрания, конкурса, где бы ни выступали вместе Элка и Райка. Пели они божественно, предпочитая современную эстраду, затмевая оригинальное исполнение. И танцевали, сводя с ума парней телодвижениями, и сценки разыгрывали так, что публика под стульями от смеха валилась. Глаз не отвести от них: обе высокие, стройные, черноволосые, кареглазые. Но – непохожие. У одной раскосость – у другой припухлые веки и поволока, у одной скулы высокие, азиатские, у другой – ровный округлый овал, у одной ямочки на щёчках, улыбка детская, открытая, у другой чувственный рот, улыбнется, как приласкает...

Дуня опять ворчала: «Будет у тебя, как в басне: „Ты все пела, это дело, так пойдешь же попляши“. Все поёшь да выступаешь, а учиться-то когда?» Но и гордилась, гордилась, хоть и таила свою гордость. Они с Лёвкой несколько изумлённо взирали на свою дочь. Не ожидали от неё. Только зря Дуня ворчала, училась Райка хорошо, её бешеной энергии на всё хватало. Одно настораживало и печалило Дуню, при толпах воздыхателей и поклонников, ходивших за Райкой, как приклеенные, жениха не намечалось. Они словно чувствовали, что не по ним крепкий орешек, не достать, не дотянуться.

Соломон умер в тюрьме. Соня ходила в трауре, тихая, спокойная. Молчала. На душе у Райки скребли кошки, она помнила свою болтовню, ожидала от сестры упрёков, но Соня как будто ушла в себя, ни слова, ни взгляда... Похоронили Соломона без шума, достойно. Но вскоре после похорон пришли Соломоновы сыновья делить наследство. Точнее, пришли они с целью нахрапом выгнать Соньку из квартиры, и забрать всё имущество. Ранним утром затрезвонил телефон, Райка подскочила первая, опередив мать, и услышала горестный голос Сони, которая поведала ей, что накануне явились оба Соломоновы сына да со своими горластыми жёнами и потребовали, чтобы она выписывалась и убиралась. «Что делать, Рая? Они ведь не отстанут, они меня выживут. Разве что Сане с Сёмой позвонить, пусть подойдут, поговорят с ними...» «Дуля им в рыло, выживут они тебя! Здрасьте вам, два придурка в три ряда! Их не вытошнит? Сонечка, ничего не бойся! Я сама им позвоню, я их сделаю...», – затараторила Райка, и в её голове тут же сложился план.

Давид и Натан Соломоновичи, в сопровождении визгливых, жадных жён и какого-то мелкого районного чиновника, взятого специально для усиления позиции с точки зрения власти, ввалились в роскошную четырёхкомнатную квартиру, уже прикидывая, сколько загребут, продав её и поделив барыш. Войдя в залу, они порастеряли свою наглость. На софе и в креслах

разместились Семён и Александр Львовичи, авторитет которых был уже известен на весь город, братья-осетины Ирбек и Мусса, парочка Райкиных друзей, выглядевших весьма живописно и устрашающе, как будто говорившие всем своим видом: вы можете, конечно, выпендриваться, сколько хотите, но ведь вы выйдете когда-нибудь на улицу, а там... у каждого свой фарт... Кто знает, кому на голову кирпич упадёт, а кто на сливовой косточке поскользнётся, головушку проломит... А главное – за круглым полированным столом переговорщиков уже ждали адвокат Линич с супругой и Рахиль Львовна, впервые в жизни облаченная в деловой костюм. Наташа, к которой Райка обратилась за помощью, решила посодействовать подруге, потому что знала, если она сама не возьмётся за дело, Райка возьмётся за него в обход неё, а ей не хотелось, чтоб её золотой петушок Линич отведаль райских наслаждений с такой конкуренткой. Соня королевским жестом указала на два свободных стула у стола и села сама. Давид и Натан сели, а жёнам и мелкому представителю власти ничего не оставалось, как стоя сгрудиться за их спинами. Повисла многозначительная пауза. Стороны пялились друг на друга. Адвокат Линич с улыбкой сфинкса на лице ласково всматривался в лица Соломоновых сыновей, и в его глазах сквозило неподдельное сочувствие. Райка под столом сложила пальцы обеих рук в совершенно непристойный жест, и смысл этого жеста передавался всем её существом, и уже вполне начал восприниматься Соломоновичами. Они закричали, завозились от неловкости, и главное – глядя на Соню, они не уловили ни следа растерянности, страха, сомнений, в общем, всего того, на что рассчитывали. Лицо Сони ничего не выражало. На свои бухгалтерские расчёты она смотрела с большей страстью. Пауза затянулась уже настолько, что можно было встать и уйти, зачем только приходили? Давид окинул взглядом модно отремонтированную залу, с шикарным сервантом, набитым хрусталём, огромным телевизором «Сони», турецким ковром во всю стену, музыкальным центром «Панасоник» и аж вспотел от мысли, сколько ещё разного добра хранится в папенькиной четырёхкомнатной квартире. Алчность ткнула его кулаком в спину, и он прохрипел:

– Таки мы не ожидали такого благородного собрания. Зашли по-родственному, попроведать Софью Львовну, помянуть усопшего, побалакать о наших сугубо узкосемейных делах... Может, мы не в курсе, и сегодня какой-то особый торжественный случай для господ Михельсонов, мы помешали, таки мы можем зайти в следующий раз?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.